

тельности, завершенности, когда пространственные структуры взаимодополняют друг друга как перчатка руку, или силы взаимодействия связывают компоненты в новый объект), – пишет А.К. Адамов, – при движении материального объекта обуславливает под влиянием энергии приобретение новых свойств или структур и достижение нового уровня развития» [1, с. 18]. Под социально-классовой комплиментарностью понимается ощущение подсознательной взаимной симпатии (антипатии) членов социальных классов, ведущее к формированию у них единой идеологии и определяющее деление на «своих» и «чужих». Положительная социально-классовая комплиментарность – это то, что (по терминологии П. Бурдьё) отличает «реальный социальный класс» от «возможного (логического) класса».

Литература

1. Адамов А. К. Ноосферная философия / А.К. Адамов - Саратов, 2000.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев - М., 1994.
3. Сорокин П. А. Система социологии / П.А. Сорокин – Пб., 1920. – Т. 2.

Козлова О.В. Место отечественной философской мысли в системе образования и социальных связей российского хронотопа

В философской литературе, как дореволюционной, так и последних лет нередко встречается оценивание отечественной мысли как немотствующей. С данной оценкой, с одной стороны, можно согласиться, с другой – нет. Если оценивать масштабность воздействия, особенно еретической, с позиции официоза, мысли, то, конечно, в целом, общественное сознание довольно немотствующее. Однако при обращении к не столь значительному по численности, но глубоко качественному интеллектуальному наследию русской и российской мысли, то становится очевидным факт глубокой мысли как скорби о несовершенстве человеческой природы, социальных отношений, негативности цивилизационных компонентов культуры,

так и надежды на их совершенствование. Гуманизация межчеловеческих отношений рассматривается в качестве будущего идеала устройства социума в творчестве Д.Заточника, В. Мономаха, Ф. Курицына, С. Полоцкого, И. Пересветова, Крижанича, Н. Бердяева, В. Соловьева и других выдающихся представителей славянского хротопа.

Одной из важных проблем современного историко-философского знания, выступающей в качестве камня преткновения в поликультурном современном пространстве, является несправедливое и неадекватное стремление ряда представителей социально-гуманитарного знания противопоставить, разделить, представить в виде параллельных тропинок единый, на наш взгляд, процесс развития славянской философской мысли. В украинской литературе С. Полоцкого, Г. Сковороду называют украинским мыслителем, в белорусской – белорусским, в российской – русским, отечественным. То же относится к наследию Владимира Мономаха, Иллариона, Кирилла Туровского и др. Славянские народы, формировавшиеся на территории древнего Новгородско-Киевского государства, имеют общие корни, во многом общие истоки, несмотря на отличия. Так стоит ли так усиленно искать то, что разделяет наши народы, а не изучая и отдавая предпочтения тем или иным культурным особенностям, искать общее в их истории, то объединяющее начало, что, будучи культивировано в качестве доминирующего, будет способствовать интегративным тенденциям. Именно последние, перейдя на уровень культурного архетипа, заставят задуматься представителей некогда единого народа о жестокости и бессмысленности любых братоубийственных войн, конкуренции, целью которой является лишь собственная выгода, стремления каждого «объегорить» другого. Разве самым важным является сегодня, кем мы назовем С. Полоцкого, украинцем, белорусом, русским? Куда важнее и перспективнее понять, интерпретировать его идеи, находить в них гуманистическую составляющую, стремясь реализовывать их на практике. Считаем необходимым и перспективным в плане будущей гуманистической трансформации общественных отношений перманентное обращение научной мысли всех трех называемых народов к философским мыслям, предостережениям и предложениям по совершенствованию последних. Наряду с учеными, публици-

стами, художниками, изучающими отечественную историю, в том числе ради усвоения положительного прошлого, массы людей, включая тех, на кого по статусу, по социальной роли возложена ответственность за повышение культуры народа, стремятся жить и живут днем сегодняшним, устремленным только в будущее. В современном, общественном, сознании сегодняшний временной социум воспринимается в изолированном качестве, вне преемственной связи с прошлым, что можно объяснить культурно-политическими деструктивными процессами, происходящими в отечественном социуме. Сегодняшний день в нашем представлении – очень сжатый континуум социального времени. Учитывая ускоряющийся характер социально-культурных процессов, прогнозируемое будущее представляется нам еще более сжатым континуумом времени, скорее всего, в том же пространстве.

Философская мысль, вынужденная, в рамках юродствующей культуры, сложившейся на территории, особенно Московской Руси, скрываться в художественной образности, публицистике, ересь, жива и актуальна по сегодняшний день. Хочется сказать, к сожалению. Так как человечество не только не приближается к идеалу справедливо нравственного мироустройства, но по многим критериям все дальше отходит от него. И, создается впечатление, что все кладези нашей отечественной мысли остаются гласом вопиющего в пустыне человеческой духовности.

В отечественной мысли и социальной практике всегда востребованы идеи свободы личности, гражданского сознания, гуманистической сущности, справедливости и воздаяния по делам человеческой сущности, проблемы соотношения истины и правды, как гармонии нравственности и рациональности. Для русской философской, социальной, культурологической мысли проблема интеллигентности (в поступках, в образе жизни, в словах и т.п.), саморефлексии, прежде всего в сфере духа, была свойственна всегда. Ведь бытие и сущность настоящего интеллигента – это всегда лишь сфера духа: поиск, сомнения, страдание, разочарования и возвышение в вере, надежда на развитие в человеке истинно человеческого – духа. Все это свойственно русскому философствующему интеллекту. Философия, как и любой другой аспект культуры, всегда несет на себе печать национально-культурного своеобразия. Это своеобразие ис-

торически единых в своих истоках философов восточного славянства выражается, кроме прочего, в пропаганде своих идей, в согласии образа жизни и образа мысли, в оппозиционности политическому, церковному и нравственному официозу. [2, с.3-4] Вопрос заключается в том, можно ли время сжимать до бесконечности для данной социальной субстанции, не произойдет ли уничтожающий последнюю взрыв времени, который может привести к качественно негативному перерождению материальной основы современной социальной субстанции?

«Перспективно развивающаяся культура созидается и бытийственна лишь при наличии диалога, как между современниками, так и между поколениями. Однако современная культура отличается аутичностью и монологичностью. Большинство людей считают и переживают себя самодостаточными, автономными, находящимися над или вне социума. Возможна ли культура без диалога? Скорее всего, она обречена на гибель, на саморазрушение.» [2, с.6] Мы полагаем, что обращение к источникам нашей отечественной мысли должно способствовать восстановлению преемственно-диалогического качества восточно - славянских культур. Мысль древнерусской культуры важна в современном мире не сама по себе, как культурно-исторический феномен, а как прошлое, с одной стороны, наличествующее в настоящем пространственно-временном культурно-социальном континууме [но довольно условно: мы бы сказали, на уровне (в форме) научной и художественной памяти, с другой – требующее вспомнить о нем и включить его в современное настоящее. Прошлое, существующее как неактуальный предмет, – музейный труп культуры (Н. Бердяев). Прошлое, символы и смысл которого распредмечены и актуализированы, всегда будет живым феноменом настоящей культуры. Мы рассматриваем прошлую мысль в качестве артефакта, который, будучи онтологизирован в нравственном своем содержании в живущей сегодня культуре, поможет и помогает ориентироваться в таком аксиологически разнообразном мире.

Очень важен аспект данной проблемы, обозначенный А.А. Грыкаловым: «Разрыв прошлого, настоящего и будущего порождает острое напряжение между реальностью и потенциальностью, что может выражаться в усилении как темы невозможности будущего,

так и противоположной темы обожания будущего за счет настоящего. Настоящее оказывается приниженным – оно будто бы вовсе не замечается» [1, с. 13].

Сохраняя позицию разрыва, наша культура потеряет не только будущее, но, стремясь к нему в озвученной выше форме, и собственное настоящее.

Нельзя не согласиться с А.А. Грякаловым, утверждающим, что: «Задача состоит именно в том, что нужно представить актуальное предстояние бытия и слова. Ничто не закончилось – оно постоянно длится и взывает к пониманию. Фиксируемый конец непереживания события – это же одновременно и начало переживания другого, а все вместе – это переживание вневременных условий и обстоятельств бытия в существовании» [1, с. 15]. При этом надо понимать, что проблема онтологизации нравственных философских идеалов уже ушедших мыслителей не одномоментна и не может быть задана одному социальному институту – образованию. Конечно, институт образования играет в процессе преемственности культурного развития доминирующую роль. Но в современных условиях более точно можно сказать только так: мог бы играть такую роль. Потому что на изучение и погружение в отечественное философское прошлое российская система образования сегодня не выделяет академических аудиторных часов, а самостоятельная работа студента, как правило, сводится к механическому скачиванию «на заданную тему» материала из интернета. Преподавателю же за ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ (учебную и воспитательную) работу платят настолько мало, на проверку выполненных заданий выделяются просто минуты, что он не замотивирован данной системой на не только качественную проверку работ студентов, но, прежде всего, на их отрицательное оценивание, как совершенно не самостоятельных. Позже «дипломированные специалисты» формируют семьи, воспитывают детей, но есть ли у них знания, и кто будет создавать условия, способствующие при их наличии, реализации высоконравственных принципов, выпестованных мыслью наших прошлых соотечественников? Столкнувшись с реальностью социально – экономических отношений, молодой человек понимает, что реализация принципов и идеалов отечественной философской мысли при встраивании себя в качестве субъекта в современную систему тру-

довых, личностных отношений отбрасывает его на обочину современной системы, оставляет на низших ступенях социальной иерархии. Верхним ее эшелонам нравственность ни к чему. Она там существует в перевернутом по отношению к содержанию гуманизма форме. Провозгласив не индивидуальность, а индивидуализм в качестве принципа, в том числе, коллективного труда, абсолютизовав механизм конкуренции как определяющий в системе социальных связей и отношений, общество отвернулось и, в лучшем случае, снисходительно поглядывает иногда в прошлое отечественной мысли. Идеи же гуманизма, справедливости, социальной гармонии рассматриваются как лишний груз.

Мы считаем, что нарушение принципа историзма в социальном развитии (как общества, так и личности) имеет резко негативное воздействие и способствует саморазрушению общества. Ведь оно не может долго выживать, используя принципы эксплуатации, эгоизма, конкуренции в качестве основополагающих. При длительном их использовании общество ожидает кровавые столкновения, примеров которых в истории предостаточно.

Отечественная же мысль учит тонко чувствовать и переживать трагедию земного бытия, соединять гносеологию истины с ценностно-смысловой наполненностью человеческого бытия, приводит к осознанию нравственной ответственности за как индивидуальное, так и социальное бытие. Может быть, поэтому в системе российского образования так резко сокращаются часы на осознание трансцендентальной основы человеческой сущности и так много внимания уделяется изучению принципов карьерного роста. Последний и выступает критерием успешности человека. Диалектике же взаимосвязи успешности и нравственной сущности человека внимания не уделяется вовсе. Вот и строим общество «успешных» карьеристов – одиноких островков в конкурирующем океане эгоистических страстей.

Литература

1. Грякалов А.А. Русская философия как событие /А.А. Грякалов. // Русская философия: новые исследования и материалы. – М., 1998.

2. Козлова О.В. Самобытный феномен русской средневековой философии/ О.В. Козлова. – М., 2012.

Монина Н.П. Евразийские мотивы в философской лирике С.Есенина

Историософская проблема осмысления места России в мире, специфика ее географического положения и извечный философский вопрос: «Кто мы: Восток или Запад?» вызывали в отечественной культуре различные способы решения данной проблемы. Вспомним, хотя бы первые попытки осмысления данной проблематики общественно-политическими течениями западников и славянофилов в XIX веке. Соединение двух разных миров – Востока и Запада в русской культуре, заложенное изначально и явившееся весьма органичным, тем не менее, постоянно вызывало к жизни новые теории, концепции и исследовательские подходы к осмыслению данного феномена, причем, как в философских трактатах, так и в литературных произведениях.

Национальное своеобразие и мировое значение русской литературы определяется не только ее укорененностью в родной культурной «почве», но и такими константами национального самосознания, как европеизм и азиатство.

Отечественная словесность всегда была обращена к культуре Европы и Азии. В эпоху Серебряного века русская литература и, прежде всего, поэзия «представляла» от всего евразийского региона, по сути выражала национально-культурное самосознание российского суперэтнуса, была не просто русской, но российской литературой.

Тема Востока и Запада проявились в поэзии С. Есенина. Машинной, городской Европе противопоставлена «Рассея! – азиатская, стихийная, «скифская»: «наше волчье, мужичье, расейское, скифское, азиатское».

В том зове калмык и татарин,

Почуют свой чаемый град...

«Рассея моя... Рассея... азиатская сторона», - писал Есенин в 1922 году [цит. по 3, с.194-196].